

УДК 343.81

DOI: 10.17223/22253513/29/9

В.А. Уткин, М.В. Киселёв, С.М. Савушкин

**«ГИБРИДНЫЕ» И «МУЛЬТИРЕЖИМНЫЕ»
ПЕНИТЕНЦИАРНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ:
ПРЕИМУЩЕСТВА И РИСКИ**

Рассматриваются основные тенденции становления и развития в уголовно-исполнительной системе России учреждений нового типа, совмещающих в себе несколько видов режима («мультирежимных») и несколько видов пенитенциарных учреждений («гибридных»). Эта тенденция находит отражение в международных актах об уголовно-исполнительной системе и обращении с заключенными. В российском законодательстве она получила официальное признание с 2001 г. Сокращение абсолютного числа и доли осужденных к лишению свободы за последние 10 лет ведет к ухудшению состава осужденных, а отсутствие возможностей массового привлечения осужденных к труду порождает осложнение обстановки в исправительных учреждениях. Одновременно возрастает значение стимулирования осужденных на основе принципов «прогрессивной системы». В таких условиях реструктуризация исправительных учреждений объективно необходима и фактически осуществляется на практике.

Рассматривая позитивные и негативные стороны такой реструктуризации, авторы предлагают закрепить данное направление в качестве одного из основных в новой Концепции реформирования (модернизации) уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г. и обеспечить его научное сопровождение на основе отечественного и зарубежного опыта.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, дифференциация осужденных, режим отбывания наказания.

В мировой пенитенциарной практике традиционно сложилось три основных вида пенитенциарных учреждений: «открытые» учреждения, закрытые (охраняемые по периметру) и учреждения тюремного типа (тюрьмы в полном смысле этого слова). Исторический опыт и анализ авторитетных международных актов об обращении с заключенными свидетельствуют, что отнесение пенитенциарного учреждения к одному из указанных выше видов, по сути, определяется двумя критериями: качественно отличной степенью изоляции осужденных от общества и способом их внутреннего организационно-пространственного размещения. На таком подходе основывается, в частности, ряд статей (11, 12, 89) принятых в 2015 г. Минимальных стандартных правил (МСП) Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правил Нельсона Манделы). Статья 11 Правил указывает, что «различные категории заключенных содержатся в различных заведениях с учетом их пола, возраста, предшествующей судимости, юридических причин их заключения и предписанного обращения

с ними». В ч. 4 ст. 89 МСП говорится, что «в открытых тюремных учреждениях следует содержать как можно меньше осужденных». Данное положение следует трактовать не как рекомендацию к сокращению числа «открытых» тюрем, а как стремление к уменьшению числа осужденных в каждом из них.

Европейские тюремные (пенитенциарные) правила 2006 г. также не обходят стороной этот вопрос. Сосредоточиваясь в основном на управленческих сторонах деятельности исправительных учреждений, они отмечают, что «для лучшего управления различными регионами для отдельных категорий заключенных должны использоваться отдельные пенитенциарные учреждения или отдельные отделения пенитенциарных учреждений (ст. 104-1)».

Вид учреждения не следует отождествлять с режимом исполнения (отбывания) лишения свободы. Режим как внутренний порядок учреждения (ст. 82 УИК РФ) радикально влияет как на правовой статус осужденного, так и фактически на весь его образ жизни. Но вида учреждения режим в конечном счете не определяет: в современной уголовно-исполнительной системе России существует три вида режима исправительных колоний (ст. 78, гл. 16 УИК РФ) и два вида режима тюрем (ст. 130 УИК). Скорее наоборот: конкретный вид учреждения определяет всю совокупность существующих в нем и возможных видов режима.

Между тем при принятии в 1996 г. Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов различия между видом учреждения и видом режима в должной мере не были проведены. Российский законодатель вслед за его советским предшественником (ст. 24 УК РСФСР 1960 г., ст. 13 ИТК РСФСР 1970 г.) фактически отождествлял вид исправительного учреждения и вид режима отбывания лишения свободы, что в конечном счете приводило к противоречиям между Уголовным и Уголовно-исполнительным кодексами. Так, ст. 56 УК РФ предусматривает, что «лишение свободы заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в колонию-поселение, помещения в воспитательную колонию, лечебное исправительное учреждение, исправительную колонию общего, строгого или особого режима либо в тюрьму». Отсюда, по-видимому, следует признание законодателем по меньшей мере семи видов исправительных учреждений. Виды режима и виды учреждений не разделяются и в ст. 58 УИК РФ, точнее – в ее названии – «Назначение осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения».

Отличная от УК и более близкая к действительности градация проводится в ст. 74 Уголовно-исполнительного кодекса «Виды исправительных учреждений». В соответствии с ч. 1 указанной статьи «исправительными учреждениями являются исправительные колонии, воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения». В предусмотренных законом (ст. 77 УИК РФ) случаях функции исправительных учреждений в отношении осужденных выполняют следственные изоляторы. В итоге уголовно-исполнительная классификация учреждений предусматривает четыре их вида, а далее законодатель определяет подвиды исправительных ко-

лоний (колонии-поселения, исправительные колонии общего, строгого и особого режимов). Здесь, очевидно, также смешиваются виды учреждений и виды режимов исполнения (отбывания лишения свободы)¹.

Тем не менее с современных позиций и с учетом ранее высказанных соображений [1] подобное отождествление едва ли оправдано. В целях внесения должной ясности в дальнейшее изложение обозначим авторские подходы к терминологии. Первый состоит в том, что исправительное учреждение, сочетающее в себе в его основных частях различные виды, следует именовать «гибридным» учреждением. Второй требует именовать учреждения с различными основными видами режима исполнения (отбывания) лишения свободы (хотя бы и в рамках одного их вида) «мультирежимными» учреждениями. Как отмечалось выше, упомянутые авторитетные международные акты допускают как «гибридность», так и «мультирежимность» пенитенциарных учреждений.

С первых лет советской власти и до начала третьего тысячелетия в отечественной уголовно-исполнительной системе главную роль среди мест лишения свободы играли монорежимные закрытые (охраняемые) учреждения «лагерного» типа – «карательно-воспитательные» исправительно-трудовые колонии (ранее – исправительно-трудовые лагеря). Однако и в советский период «мультирежимность» и даже некоторая «гибридность» не были чуждыми исправительно-трудовой системе. Интересы охраны здоровья осужденных и их медицинского обеспечения обусловили то, что находившиеся в специальных лечебных учреждениях осужденные (за исключением особо опасных рецидивистов, лиц, которым смертная казнь заменена лишением свободы, и осужденных за особо опасные государственные преступления) содержались совместно независимо от назначенного им вида режима [2. С. 125].

Потребности обеспечения единого технологического процесса в сфере лесопромышленного комплекса привели к формированию в системе УЛИТУ (ГУЛИТУ) МВД так называемых «объединенных» исправительно-трудовых колоний (ОИТК), включающих в свою структуру, помимо охраняемых колоний, также колонии-поселения. Наконец, наличие в каждом охраняемом исправительном учреждении помещения камерного типа (ПКТ) с режимом, аналогичным строгому режиму в тюрьме (ч. 2 ст. 53 ИТК РСФСР 1970 г.), а также содержание в запираемых камерах осужденных из числа особо опасных рецидивистов (ч. 2 ст. 65 ИТК) позволяли судить о наличии в структуре исправительно-трудовых колоний элементов тюрьмы.

Ситуация кардинально изменилась с начала 90-х гг. прошлого века, когда уголовно-исполнительная система России утратила исторически сложившийся экономический базис в виде планово-распределительной экономики и всеобщего привлечения осужденных к труду. Потребности обеспечения

---

¹ По нашему мнению, колония-поселение независимо от ее наименования представляет собой не «подвид» исправительной колонии, а самостоятельный (см. выше) вид исправительного учреждения (учреждение «открытого» типа).

правопорядка и иные обстоятельства (условия управления, отсутствие необходимого числа мест в СИЗО и тюрьмах, расходы на перевозку осужденных между регионами и др.) привели к более интенсивному развитию в исправительных учреждениях не только «мультирежимных», но и «гибридных» черт. Еще в 1990 г. один из авторов альтернативного проекта Концепции перестройки исправительно-трудовой системы А.И. Зубков писал о целесообразности отказа от деления колоний на виды режима, сохраняя дифференциацию внутри учреждения по решению администрации [3. С. 12]. Справедливости ради следует сказать, что это предложение вызвало и серьезные возражения, связанные с обеспечением управляемости исправительно-трудовых учреждений [Там же. С. 59].

В 1996 г. один из авторов этих строк, рассматривая проблемы реализации Европейских тюремных правил, возражал ученым и практикам, которые полагали, что «тюрьмизация» по европейскому образцу – это единственно возможный путь «цивилизации» отечественной уголовно-исполнительной системы [4]. В противовес этой позиции утверждалось, что будущие отечественные места лишения свободы «в большинстве своем воплотят в себе черты тюрьмы и колонии, превратившись в учреждения “гибридного” типа» [5. С. 50–51]. Практика подтвердила правильность этого вывода, демонстрируя, во-первых, постепенное развитие в системе исправительных колоний «тюремных начал» [6], во-вторых, расширение и развитие «открытых тюрем» (колоний-поселений), в третьих – более последовательную реализацию принципов раздельного содержания осужденных различных категорий (ст. 80 УИК) как сопряженного с изменением вида учреждения и вида режима, так и без такового¹.

В 1990 г. в соответствии с указаниями Главного управления по исправительным делам (ГУИД) в исправительно-трудовых колониях (ИТК) были созданы новые организационно-управленческие структуры – локально-профилактические участки. Тем самым завершилась долголетняя дискуссия о целесообразности изъятия из отрядов и концентрации в одном или нескольких изолированных участках колонии злостных нарушителей режима. В основу этого решения были положены успешные результаты проведенного в Приморском крае эксперимента по изоляции от основной массы осужденных трудновоспитуемых осужденных и злостных нарушителей режима.

С 1998 г. ГУИН МВД России использует имеющийся опыт исполнения наказания в колониях особого режима и материальную базу отдельных таких колоний для осужденных, которым смертная казнь была заменена пожизненным лишением свободы. Такое учреждение было создано на базе одной из колоний Ивдельского УЛИТУ (учреждение Н-240-5) Свердловской области [7. С. 11]. Одновременно на базе колонии особого режима

---

¹ К примеру, ч. 3 ст. 80 УИК РФ устанавливает, что «в отдельных исправительных учреждениях содержатся осужденные – бывшие работники судов и правоохранительных органов».

в Вологодской области было создано специальное учреждение для содержания осужденных-«пожизненников».

В 2001 г. «мультирежимность» исправительных колоний была признана законодателем. Часть 1 ст. 74 УИК дополнилась положением, согласно которому «в одной исправительной колонии могут создаваться изолированные участки с различными видами режима. Порядок создания указанных участков определяется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний». С этого момента фактически не стало отвечать реальному положению дел наименование ст. 58 УК РФ «Определение вида исправительного учреждения». Ныне ее следовало бы назвать «Определение вида и режима исправительного учреждения».

Учитывая, что на правах изолированных участков в отдельных охраняемых колониях сразу же стали создаваться «участки колоний-поселений», тем самым был дан «зеленый свет» развитию не только «мультирежимности», но и «гибридности» исправительных учреждений. Эта тенденция была подтверждена в дальнейшем созданием на базе исправительных колоний помещений, функционирующих в режиме следственных изоляторов (ПФРСИ) и в режиме тюрем (ПФРТ).

Сейчас в соответствии с ч. 8 ст. 74 УИК РФ изолированные участки, функционирующие как колонии-поселения, могут создаваться также в лечебных исправительных учреждениях и в лечебно-профилактических учреждениях, которые сами по себе издавна являются и «мультирежимными».

С 2003 г. согласно ч. 9 ст. 74 УИК РФ в воспитательных колониях могут создаваться изолированные участки, функционирующие как исправительные колонии общего режима, для содержания осужденных, достигших во время отбывания наказания возраста 18 лет¹.

В 2012 г. для временного размещения осужденных, следующих под конвоем к месту отбывания наказания либо перемещаемых из одного места отбывания наказания в другое, при исправительных учреждениях и следственных изоляторах стали создаваться транзитно-пересыльные пункты.

Наконец, практические трудности создания специальных учреждений – исправительных центров для отбывания нового, не связанного с лишением свободы наказания – принудительных работ (ст. 53¹ УК РФ) привели к установлению в 2017 г. в ч. 3 ст. 60¹ УИК РФ правовой возможности создания на базе исправительных колоний специальных изолированных участков, функционирующих как исправительные центры – учреждений, функционирующих как исправительные центры (УФИЦ). В 2017 г. в уголовно-исполнительной системе России было создано 8 исправительных центров и 15 УФИЦ с лимитом наполнения 1896 осужденных. К концу

---

¹ Ставится вопрос об организации в воспитательных колониях для содержания таких осужденных также изолированных участков, функционирующих, как колонии-поселения.

2018 г. запланировано создание еще десяти ИЦ и 38 УФИЦ, всего на 5 тыс. чел. [8. С. 19]. В итоге «гибридность» исправительных учреждений привела к новому качеству, поскольку создание УФИЦ выводит функции исправительного учреждения за рамки исполнения наказания в виде лишения свободы. Данная тенденция, очевидно, усилится, если, как это предлагают многие авторы, существующие колонии-поселения будут преобразованы в исправительные центры.

По данным Федеральной службы исполнения наказаний, подавляющее большинство осужденных к лишению свободы ныне отбывает наказание в исправительных колониях. По состоянию на 1 января 2018 г. в 713 исправительных колониях содержались 495 тыс. чел., в том числе 35 тыс. – в 126 колониях-поселениях. В 23 воспитательных колониях – 1,4 тыс., в 8 тюрьмах – 1 423 чел., в том числе на собственно тюремном режиме – всего 1 060 чел. Таким образом, основная часть осужденных (460 тыс. взрослых и 1,4 тыс. несовершеннолетних) отбывает наказание в исправительных учреждениях одного вида – закрытых учреждениях – охраняемых исправительных и воспитательных колониях. И эта ситуация (в соотношении соответствующих категорий осужденных) практически не изменилась с 2010 г., когда, как известно, в Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 г. ее важнейшим приоритетом была определена всеобщая «тюрьмизация» (построение 442 тюрем, отвечающих международным стандартам).

Что же касается распределения осужденных по видам режима, то данные об этом свидетельствуют о все большей «поляризации» контингента осужденных внутри «колонийской» системы. Так, доля осужденных к лишению свободы два и более раза возросла в 2017 г. по сравнению с 2003 г. с 52 до 60%. Последовательно снижается среди осужденных удельный вес лиц молодежного возраста (18–25 лет): 2006 г. – 40,7%; в 2010 г. – 30,6%; в 2013 г. – 23,4%; в 2017 г. – 16,9%.

В результате либерализации уголовной политики сократились абсолютное число и доля осужденных к реальному лишению свободы. Если в 2010 г. эта доля составляла 32%, то в 2017 г. – 28,7%. Число осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы (включая СИЗО) в 2007 г. составляло 883 тыс. чел., в 2012 – 702 тыс., на 1 августа 2018 г. – 587 тыс. чел. В итоге по данным Всемирной тюремной интерактивной информационной базы данных Россия по состоянию на 1 августа 2018 г. занимает 16-е место по числу осужденных к лишению свободы на сто тысяч населения¹. Десять лет назад в мировом рейтинге Россия занимала вторую позицию².

Неизбежным следствием такой политики стали как отмеченное выше ухудшение состава осужденных, так и связанные с этим осложнения в сфере правопорядка в исправительных учреждениях. Растут общее число зарегистрированных преступлений осужденных в местах лишения свободы

¹ Institute for Criminal Policy Research. URL: <http://www.prisonstudies.org>

² World Prison Population List. URL: <http://www.webcitation.org/6183crMfV>

и уровень преступлений среди отбывающих наказание в колониях. В 2015 г. было зарегистрировано 940 преступлений осужденных, в 2016 г. – 960, в 2017 г. – 974. Уровень преступлений на 1 тыс. чел. составил соответственно 1,59, 1,62 и 1,74. Таким образом, актуализируется задача обеспечения безопасности и правопорядка в исправительных учреждениях в условиях невозможности полного охвата трудоспособных осужденных производительным и достаточно оплачиваемым трудом.

Вектор «тюрьмизации» в этом отношении является, безусловно, одним из важных направлений дальнейшего «структурирования» системы исправительных учреждений. Но не единственным и не в столь радикальной и даже «волонтаристской» форме, как это было свойственно первоначальной версии Концепции 2020 г. Не случайно в 2015 г. тезис о всеобщей «тюрьмизации» из Концепции был исключен. Что же касается перспектив структурирования исправительных учреждений, то здесь следует признать приемлемыми как отдельные «монорежимные» учреждения (число которых неуклонно снижается), так и учреждения «мультирежимного» или (и) «гибридного» типа.

Статистика свидетельствует, что в 2017 г. большинство осужденных отбывали наказание в исправительных колониях строгого режима. И доля таких осужденных растет и, видимо, будет расти, учитывая упомянутые выше тенденции изменения состава осужденных. Если в 2016 г. в колониях строгого режима отбывали наказание 54% осужденных, то в 2017 – 54,1%, тогда как в колониях общего режима произошло снижение с 27 до 26,2%. Таким образом, в основе типовой модели «мультирежимного» и (или) «гибридного» учреждения вполне может лежать исправительная колония строгого режима.

Заслуживающий внимания опыт такого рода накоплен в уголовно-исполнительной системе Азербайджанской республики, где согласно Государственной программе развития Азербайджанской юстиции на 2009–2013 годы было предусмотрено строительство учреждений нового типа – пенитенциарных комплексов, включающих в себя, помимо прочего, и тюремную модель исполнения лишения свободы [9. С. 121–123]. Построено несколько учреждений такого (смешанного) типа, в том числе одно – в Нахичеванской автономной республике.

Отмечается, что такие учреждения обладают преимуществами по сравнению с традиционной системой исправительных колоний. Они позволяют:

- с наименьшими затратами обеспечить отдельные регионы пенитенциарными учреждениями различных видов и режимов;
- сократить расходы по перевозке осужденных и лиц, содержащихся под стражей;
- разгрузить столицу страны от старых исправительно-трудовых учреждений и построить новые в соответствии с современными требованиями;
- создать условия для сохранения общественно-полезных связей осужденных, в том числе в части предоставления свиданий;
- обеспечить благоприятные условия для родственников, посещающих осужденных, и лиц, содержащихся под стражей;

- привлечь родственников к участию в исправлении осужденных;
- облегчить социальную адаптацию осужденных после отбывания наказания [9. С. 122].

Указанные обстоятельства в еще большей степени значимы для российской уголовно-исполнительной системы, поскольку размеры российской территории, географические и климатические различия между регионами неизмеримо выше, нежели в Азербайджанской Республике. Создание таких учреждений позволит более широко реализовать установленное в ч. 1 ст. 73 УИК РФ принципиальное положение, по которому «осужденные к лишению свободы... отбывают наказание в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали до осуждения или были осуждены»¹.

Помимо этого, учреждения «мультирежимного» и «гибридного» типа позволят создать условия для более последовательной реализации принципов дифференциации и индивидуализации исполнения наказания посредством расширения полномочий администрации по изменению режима и вида учреждения в пределах одной территории либо ее отдельных организационно взаимосвязанных участков. В этой связи заслуживает обсуждения вопрос о передаче в таких условиях от суда в компетенцию администрации (в лице комиссии учреждения с участием представителей общественных наблюдательных комиссий и с возможностью судебного контроля) полномочий по изменению вида и режима исправительного учреждения на основе принципов «прогрессивной системы». А в перспективе – и установления конкретного вида учреждения и режима не судебным приговором, а иным правоприменительным актом, вынесенным во исполнение приговора администрацией учреждения или соответствующей комиссией, подобно тому как это делалось ранее на основе норм ИТК РСФСР 1924 г. (ст. 16 и др.) [10. С. 49–51] и осуществляется ныне в западной системе пенитенциарных учреждений². Очевидно, что для таких коренных изменений необходим концептуальный переход теории, законодательства и практики от «режима-кары» к «режиму-безопасности» [11. С. 26–27].

Вместе с тем очевидны и риски, которые сопровождают становление учреждений нового типа. Опираясь на существующий опыт функционирования ряда «мультирежимных» учреждений, Р.З. Усеев обращает внимание на следующее:

- при осложнении оперативной обстановки в учреждении (например, массовых беспорядках, групповых неповиновениях) в конфликт могут быть вовлечены все категории осужденных этого учреждения, в том числе осужденные изолированных участков;

---

¹ Однако такая реализация все же не терпит суеты и спешки, должна опираться на реальные возможности и не устраняет необходимых в этих случаях исключений (например, в отношении осужденных за террористическую деятельность).

² Разумеется, для этого необходимы изменения концептуальных подходов к назначению наказания, отраженных ныне в ст. 58 УК РФ.

– наличие в учреждениях изолированных участков либо смежных учреждений способно порождать нежелательные контакты между разными категориями осужденных;

– практические работники такого учреждения должны обладать особенно широкими знаниями, умениями;

– в отдельных случаях усложняется идентификация осужденных разных режимов, что приводит к недовольству [12. С. 85].

К этому можно также добавить трудности выбора надежных критериев дифференциации осужденных при их распределении администрацией учреждения и изменении вида режима, «коррупционные риски» при наделении администрации такими полномочиями, необходимость дополнительных материально-финансовых средств для строительства учреждений нового типа или реконструкции существующих, а также потребности в значительном расширении штатов персонала в «гибридных» учреждениях.

Однако указанные проблемы не являются непреодолимыми. Практика показывает, что четкое видение и предвидение трудностей существенно облегчает движение к цели. Во всяком случае речь не идет о повсеместном объединении учреждений различного вида или об искусственном выделении в рамках одного учреждения различных видов. В первую очередь предметом внимания должны быть действующие учреждения, организационное строение и архитектоника которых уже содержат в себе потенциал реформирования. Необходимо также учитывать имеющийся опыт и отмеченные тенденции при проектировании, строительстве новых учреждений и реконструкции существующих. Успешное решение поставленной задачи демонстрирует, в частности, отраженный в Обзоре ФСИН России в 2018 г. положительный российский опыт деятельности 7 исправительных, 3 воспитательных колоний и 18 следственных изоляторов, находящихся на территории и под охраной других учреждений.

В конечном счете это перспективное направление развития учреждений заслуживает закрепления в новой Концепции реформирования (или модернизации) уголовно-исполнительной системы до 2030 г. Практические шаги по ее реализации в этой части, безусловно, потребуют солидного научного обеспечения, причем не только силами ведомственной науки, с учетом отечественного и зарубежного опыта.

Литература

1. Уткин В.А. «Мультирежимные» исправительные учреждения: реальность и перспективы // Вестник Кузбасского института. 2014. № 4 (21). С. 9–18.
2. Комментарий к Исправительно-трудовому кодексу РСФСР. М. : Юрид. лит., 1979.
3. Зубков А.И. Концепция перестройки исправительно-трудовой деятельности в СССР на современном этапе : материалы обсуждения. Рязань, 1990.
4. Фефелов В.А. Социально-правовые основы цивилизации исправительных учреждений Российской Федерации. Рязань, 1992.
5. Уткин В.А. Европейские тюремные правила и проблемы их реализации. Томск : Изд-во НТЛ, 1996.
6. Уткин В.А. Тюремный вектор в уголовно-исполнительной системе // Отечественные записки. 2008. № 2 (41). С. 149–158.

7. Уткин В.А., Детков А.П. Пожизненное лишение свободы. Томск : Изд-во НТЛ, 1997.
8. Дворянсков И.В., Габараев А.Т. Принудительные работы как альтернатива лишению свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2018. № 5. С. 18–22.
9. Гумбатов М.Г. Пенитенциарные комплексы – новый вид учреждений по отбыванию лишения свободы в Азербайджанской Республике // Преступление, наказание, исправление : международный пенитенциарный форум : сб. тез. выступлений участников (Рязань, 5–6 декабря 2013 г.) Рязань : Акадею ФСИН России, 2013. С. 115–123.
10. Савушкин С.М. Дифференциация осужденных к лишению свободы: история, международные стандарты, зарубежный опыт. Новокузнецк : Кузбас. ин-т ФСИН России, 2017.
11. Уткин В.А. Режим лишения свободы и правовой статус осужденных: между карой и безопасностью // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 4. С. 26–29.
12. Усеев Р.З. Мультирежимность исправительных учреждений: причины, классификация, перспективы // Уголовная юстиция. 2016. № 1 (26). С. 81–88.

Utkin Vladimir A., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Kiselev Mikhail V., Savushkin Sergey M., Kuzbass Institute of the FPS of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation)

“HYBRID” AND “MULTIREGIME” PENAL INSTITUTIONS: ADVANTAGES AND RISKS

Keywords: penal system, differentiation of convicts, serving sentence regime.

DOI: 10.17223/22253513/29/9

The main tendencies of formation and development of the new type institutions combining in themselves several types of regime (multiregime) and several types of penal institutions (hybrid) in penal system of Russia are considered in the article. This tendency finds reflection in the international acts concerning (about) penal system and treatment of prisoners. In the Russian legislation it has gained official recognition since 2001.

Reduction of absolute number and proportion of persons convicted to imprisonment for the last ten years leads to deterioration of convicts' population and the lack of opportunities of convicts' mass involvement to work generates complication of situation in correctional facilities. At the same time the value of convicts' stimulation on the basis of the principles of "progressive system" increases. In such conditions restructuring of correctional facilities is objectively necessary and actually carried out in practice.

Considering positive and negative sides of such restructuring, the authors offer to fix this direction as one of the main in the new Concept of reforming (modernization) of a penal system of the Russian Federation till 2030 and to provide his scientific maintenance on the basis of domestic and foreign experience.

References

1. Utkin, V.A. (2014) “Mul'tirezhimnye” ispravitel'nye uchrezhdeniya: real'nost' i perspektivy [“Multiregime” penal institutions: Reality and prospects]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 4(21). pp. 9–18.
2. Russian Federation. (1979) *Kommentariy k Ispravitel'no-trudovomu kodeksu RSFSR* [Commentary to the Corrective Labour Code of the RSFSR]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.

3. Zubkov, A.I. (1900) *Kontsepsiya perestroyki ispravitel'no-trudovoy deyatel'nosti v SSSR na sovremennom etape* [The concept of reorganization of corrective-labour activity in the USSR at the present stage]. Ryazan: [s.n.].
4. Fefelov, V.A. (1992) *Sotsial'no-pravovyye osnovy tsivilizatsii ispravitel'nykh uchrezhdeniy Rossiyskoy Federatsii* [Social and Legal Bases of a Civilization of Correctional Facilities of the Russian Federation]. Ryazan [s.n.].
5. Utkin, V.A. (1996) *Yevropeyskiye tyuremnyye pravila i problemy ikh realizatsii* [European prison regulations and problems of their implementation]. Tomsk: NTL.
6. Utkin, V.A. (2008) Tyuremnyy vektor v ugovolno-ispolnitel'noy sisteme [The prison vector in the penitentiary system]. *Otechestvennyye zapiski*. 2(41). pp. 149–158.
7. Utkin, V.A. & Detkov, A.P. (1997) *Pozhiznennoye lisheniye svobody* [Life imprisonment]. Tomsk: NTL.
8. Dvoryanskov, I.V. & Gabaraev, A.T. (2018) Prinuditel'nyye raboty kak al'ternativa lisheniya svobody [Community service as an alternative punishment]. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noy sistemy*. 5. pp. 18–22.
9. Gumbatov, M.G. (2013) [Penal complexes as a new type of penal institutions in Azerbaijan Republic]. *Prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye* [Crime, Punishment, Correction]. International Penitentiary Forum. Ryazan, December 5–6, 2013 g. Ryazan: Academia of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 115–123. (In Russian).
10. Savushkin, S.M. (2017) *Differentsiatsiya osuzhdennykh k lisheniya svobody: istoriya, mezhdunarodnyye standarty, zarubezhnyy opyt* [Differentiation of inmates: history, international standards, international practices]. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of FSIN of the Russian Federation.
11. Utkin, V.A. (2018) Rezhim lisheniya svobody i pravovoy status osuzhdennykh: mezhdunarodnyy i bezopasnost'yu [Regime of the deprivation of liberty and the prisoners' legal status: between punishment and security]. *Ugovolno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravleniye* [Penal System: Law, Economics, Management]. 4. pp. 26–29.
12. Useyev, R.Z. (2016) Multi-regime correctional facilities: causes, classification, prospects. *Ugovolnaya Justitia – Russian Journal of Criminal Law*. 2(27). pp. 81–88. (In Russian).